

Программа «500 дней»: анализ прошлого – уроки на будущее

«Что было бы, если бы Наполеон победил при Ватерлоо?» Результаты популярных сейчас альтернативных реконструкций событий прошлого дают повод задуматься о соотношении объективного и субъективного в истории, возможности решительно изменять ситуацию и результатах такого вмешательства.

20-летие с момента создания программы «500 дней» стало поводом для того, чтобы обратиться к участникам ее разработки с просьбой оценить с позиций сегодняшнего дня заложенные в ней идеи перехода к рынку и результаты их реализации, понять, как проводить реформы в России и возможны ли они без огромных жертв со стороны населения. Такой анализ важен именно сейчас, поскольку страна, как и 20 лет назад, стоит перед необходимостью перехода к всесторонней модернизации экономики.

И «революционные» оценки сложившейся в обществе и экономике системы, которую, по мнению авторов, нельзя изменить, а можно только сломать, – предостережение против попыток решать сложные системные проблемы лихими кавалерийскими атаками, без фундаментального осмысления возможных последствий.

Как считает автор, один из участников создания программы «500 дней», такого отрезка времени мало для революции сознания, но в условиях кризиса – это огромный период для движения вперед и сокращения излишних потерь для граждан, ради которых эта реформа и проводилась.

Ключевые слова: программа «500 дней», «лаборатория будущего», заказчики программы, цели реформы, скорость преобразований, приватизация, стабилизация, «Реформы по Гайдари»

500 дней — на революцию сознания?

Л. М. ГРИГОРЬЕВ,

кандидат экономических наук,

президент фонда «Институт энергетики и финансов»,

Москва

Серьезный объективный исторический анализ двух десятилетий российской трансформации, разумеется, еще невозможно провести. Слишком молоды участники, слишком много оснований скрывать истинные мотивы действий основных акторов или легкомысленное отсутствие таковых. Слишком много вложено ресурсов в создание легенд или их предотвращение. Документированная стереоскопическая история впереди – так что в данный момент мы можем только сформулировать вопросы, по которым терпеливые студенты будут изучать и накапливать материалы.

«Лаборатория будущего»

Собственные мысли по поводу программы 20-летней давности также не могут быть надежно изолированы как от знания о последующем развитии событий в России, так и от мемуарных элементов. В скоротечную эпоху двадцать лет охватывают событий и перемен на столетие. Так поможем «старому монаху Пимену» в его деле хронографа – вернемся на двадцать лет назад и посмотрим, насколько нам понятна программа «500 дней» и ее смысл, можем ли мы оценить ее

© ЭКО 2010 г.

роль и последствия. Не затрагивая особенно политические рамки событий, попробуем сформулировать несколько положений о той экономической программе, которая дала надежду на трансформацию в 1990–1991 гг.

Программа заняла определенное место как политический и интеллектуальный продукт, особенно в части трансформации от социализма к рынку, возможно, как попытка спасти единое экономическое пространство от распада. Наконец, в программе заложена высокая скорость преобразований, но с подготовкой законов и даже вниманием к институциональной основе. Она оказалась оттертой потоком событий, войдя теми или иными элементами в другие программы, действия или просто став обучающим материалом для сторонников и противников рыночных и демократических преобразований. Когда ее обсуждали, то посмеивались над предлагаемой скоростью – потом действовали еще быстрее, но результат и сейчас (спустя семь тысяч дней) еще далек от неясной надежды на будущее рубежа 1980–1990-х годов.

Наивность ранних программ трансформации неизбежна, но последующие программы и действия во многом зависят от этой «лаборатории будущего».

«Заказчики»

Принципиальный момент ситуации лета 1990 г. – программа пишется для трансформации СССР, для двух ведущих лидеров, нашедших на тот момент волю объединить усилия. На ее первой странице написано главное: «Рабочая группа, образованная совместным решением М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина». Наша группа сидела в «Сосенках» по Калужской дороге, а другая группа, работавшая для правительства СССР, – в «Соснах» по Рублевке (правительственные дачи: «Сосны» – от СССР, а «Сосенки» – от РСФСР). Любая программа трансформации предполагает наличие власти, а для радикальной программы – устойчивой власти. Для реализации продуманной сложной программы нужна власть огромная.

Главное, наверное, в истории программы – шанс на совместные действия элит: «центральной» и «провинциальных». Практически это был последний шанс – больше он не представился, и программа застопорилась, кризис продолжился,

трансформация была отложена на год. Политологи пусть отдельно расскажут нам, что это было не две группы, а три или четыре – старый советский ослабленный центр, российские провинции и союзные республики двух типов – с осознанным и выраженным желанием независимости и без него.

В политологии эту ситуацию рассматривать приходится как временный альянс двух или нескольких конкурирующих политических лидеров и представленных ими элит. Группа авторов – это представители советского «прото-среднего» слоя, которые с большей или меньшей адекватностью (что предмет отдельного анализа) отразили настроения и профессиональную подготовку своего прото-класса. В Центральной и Восточной Европе позднее эти группы стали частью новой элиты. В тот же момент это была связка элементов политических элит, ищущих выхода из социального тупика и экономического кризиса, с элементами интеллектуального «класса» – интеллигенции.

Наличие «объединенного» заказчика психологически изолировало большую часть группы на даче, куда политические ветры пробивались довольно туго. Была встреча с Б. Н. Ельциным на старте. Ощущение соревнования с другой командой, с союзным заказчиком, было, но хотя оно было больше психологическим и интеллектуальным, все понимали, что мы-то пишем программу радикальных преобразований страны. Н. Рыжков приезжал с целью объединить усилия, но успеха не имел, так как предыдущий опыт «объединения» 1989 г. помнили как неудачный. Однажды вызвали нас с докладом к М. С. Горбачеву. Продержали целый день – было довольно интересно, но при обсуждении приватизации лидер как-то уставал. Ощущение двойственности заказчика и его растущего раздвоения было, но на саму программу не влияло – процесс такой работы имел свои внутренние законы.

В конечном итоге, полагаю, исчезновение заказчика на радикальную трансформацию было связано с борьбой политических элит (за власть), в которой интеллектуальные круги всегда оказываются потерянными в событиях. А дальше – как кому исторически повезет. Программа для заказчиков свою роль сыграла. Думаю, она была элементом самообразования элит: что ждет страну, что ждет их – какие варианты выгодны активным властным группам того времени, присматривавшимся

к будущим переменам. Возможно, мы написали программу-материал, который был использован будущей политической и финансовой элитой для планирования своих действий. Заказчики же лета 1990 г. имели слишком конфликтные интересы – трансформация с минимум потерь для граждан страны не была приоритетом.

«Писатели»

Программа «500 дней» была написана дюжиной людей в августе 1990 г. в двух томах (см. сайт www.sigma-econ.ru) под официальным руководством С. С. Шаталина. Десятки людей реально помогали, но не меньше (особенно ведомств) помогало и команде Н.И. Рыжкова – Л. И. Абалкина, которая работала параллельно. Думаю, что сутью нашей команды была готовность работать над переходом к рынку в прикладном плане – не тратя время на обсуждение общих проблем и целей. Это, конечно, заслуга Г. А. Явлинского и Е. Г. Ясина.

В практическом плане это была группа реформаторов-энтузиастов (на тот момент), которой практически руководили Григорий Алексеевич Явлинский и Евгений Григорьевич Ясин. Явлинский после заезда в январе–феврале 1990 г. в Польшу приехал уже «с драйвом» на программу. В конце марта при очередном заезде в «Сосны» он показывал мне свой длинный текст, который повлиял на программу (позднее он с коллегами превратил его в брошюру «400 дней доверия»).

Работа над программой шла примерно до конца августа 1990 г. Практически в любой момент у команды был некий текст, пригодный для показа высоким заказчикам. Е. Г. Ясин раза два в неделю переписывал его по мере поступления новых компонентов. Так что общий план наполнялся кусками – новыми и переписанными. Думаю, финальный вариант имел уже двузначный номер.

В начале 20-х чисел августа по неизвестным мне причинам возникла некая угроза – на 6-й даче появились автоматчики в штатском из охраны Б. Н. Ельцина. Охранники молча стояли в коридоре, ничего не произошло, но все это придавало ощущения важности и таинственности происходящего. Позднее мне сказали, что и дискетка с обновляемым докладом регулярно отправлялась в Москву на резервное хранение в какое-то издательство. В такие политические тонкости я не встречал. Понятно было, что конкурирующая команда ждала очередной «манифест», а вышла полная программа в два тома, от которой отмахнуться было нельзя.

Писала программу, конечно, интеллигенция, уставшая (каждый на своем уровне) от советского строя и неэффективной экономики, причем не самого высокого ранга (два академика, два доктора, остальные люди молодые и даже не все кандидаты наук). Знания об устройстве рыночного хозяйства были весьма ограниченными – по образованию речь идет о самоучках разной степени продвинутости. Так что образ будущей экономики собирался по частям и скорее из элементов. Правда, приятной и реалистичной картины будущего российского капитализма нет и по сей день.

Команда была собрана по человеку – тут не было единого ядра изначально. А. Б. Чубайс и Е. Т. Гайдар приезжали поговорить. Тогда не было ясно, что тут же закладывается определенное соперничество внутри интеллектуальных кругов демократии. Хотя в будущем на экспертном уровне команды в основном перемешались. Из состава той первой команды в разных правительствах в конечном итоге вышло (с пересечениями) два вице-преьера, пять министров, два председателя комитетов Госдумы, три замминистра и первый зампред ЦБ. Так что команда была востребована и в индивидуальном качестве, хотя вместе потом работать уже почти не пришлось – только малыми группами, больше с Е. Г. Ясиным.

К августу 1990 г. в Москве накопилось некоторое количество ученых из Академии в основном (ЦЭМИ – ИМЭМО – ИМЭПИ АН), которые понимали, что происходит в мире и что надо идти на трансформацию, чтобы не застрять в кризисе. Так что ощущение кризиса и чувство общего горизонта было важно для команды. Мой собственный выбор был достаточно прост: как исследователь мировой экономики и экономики США я понимал дистанцию, которую надо догонять на базе рынка. Как человек, проживший всю жизнь среди нестареющих студентов, я считал, что должен быть с теми, за кем будущее¹. Я не рискнул включать в свои книги те куски, что сам создал для программы, поскольку все было переписано Е. Г. Ясиным, «уварено» в общем котле, да и формально разделить интеллектуальные права участников было бы невозможно.

Е. Г. Ясин пришел в ИМЭМО за помощью в декабре 1989 г. – надо было помогать; так постепенно и собиралась та ранняя группа экономистов-реформаторов.

В том узком коридоре времени события ускорились, как вода в каньоне. Но реальное положение вещей в политике нам – «рядовым» начала реформ – было непонятно. В общем, пришлось «брать риск на себя» – риск оказаться не только в центре интеллектуальной борьбы идей и партий, сторонников реформ и консерваторов (буквально) советского строя. По фактической истории Советского Союза для авторов программы ухода от социализма риск, конечно, был. И мы сами, и наши друзья, и родственники этот риск сознавали и неохотно обсуждали (мы с женой сыграли свадьбу в августе 1990 г.). Во всяком случае, не помню никакого расчета на признание или «вознаграждение». Оных, естественно, и не было – общий принцип был соблюден: поиск виновных, наказание невиновных и награждение непричастных.

Общее воспоминание о работе над «500 дней» – это тяжелая и нервная работа, но хорошее настроение на фоне общего чувства в стране: «Мы ждем перемен!» Приятное ощущение интеллектуального вызова – и еще никакой «гонки за капиталом», энтузиазм и альтруизм были еще живы.

«Прощай, социализм»

Важный вопрос – это цели реформы. В команде вопрос о расставании с социализмом если и обсуждался, то до меня. Идея движения к демократии, рынку, частной собственности и конкуренции была естественной: «Главная цель реформы – экономическая свобода граждан и создание на этой основе эффективной хозяйственной системы, способной обеспечить динамичное развитие народного хозяйства и достойный уровень благосостояния гражданам страны, преодолев отставание от других стран»². Для лета 1990 г. – хороший пример свободы слова в стране и ясности в головах группы авторов, пишущих для генсека КПСС.

¹ Что тогда знал автор, теперь легко посмотреть в моей работе «Экономика переходных процессов» (в 2 томах). – М.: изд-во МУМ, 2010 г. Туда включили ряд работ, написанных еще в 1989 – 1992 гг., до того как опыт реальных реформ начал воздействовать на наше сознание.

² Переход к рынку. Концепция и программа. Ч. 1. – М.: 1990. С.13 (далее ссылки на эту работу будут даны в тексте с указанием страниц).

Уже недавно в работе ИНСОРа – «Россия в XXI веке»³ – возникла проблема выбора пути страной сегодня. Оказывается, мы в стране никогда не обсуждали достаточно широко, в какое общество хотели бы трансформироваться. По умолчанию потом часто принимались нормы англо-саксонских стран, хотя они находятся в естественном конфликте с континентальным правом. В этом отношении первая программа, широко распространенная и доступная элитам и интеллигенции, директорам предприятий, выступила, возможно, в качестве «second best» по сравнению с широкой дискуссией в обществе.

В странах Центральной и Восточной Европы все было довольно просто: образец был рядом – в Западной Европе. Поэтому легко было двигаться в европейское правовое пространство. «500 дней» не давала, пожалуй, ясного образа будущего, но предлагала бегство от замучившего всех кризиса примерно в том же направлении.

Как в ЦВЕ, так и в СССР вопрос об издержках трансформации был обсужден минимально. Трудности кризиса были настолько ощутимы в конце 1980-х, что никому не приходило в голову, что ВВП рухнет скоро на 43%. Все стыдливо уходило от осмысления логики приватизации – появления имущественного неравенства и его последствий. Неявно предполагалось, что нормализация экономической системы и выход из кризиса «советской системы» будет настолько плодотворным, что перекроет издержки трансформации. Отчасти так и произошло у соседей (но не у всех) в ЦВЕ.

«Скорость преобразований и жесткий диктатор»

Программа реально обосновывала сроки преобразований – предложено было три варианта на выбор, причем в тексте ДО целей реформы (с. 11). Естественно, авторы были против отката и против: а) медленного приспособления, б) «отката до 1984 г.» и за в) радикальные сроки – за полтора-два года. Конечно, это во многом был пример быстрых решений в Польше, но больше – осознание опасности затягивания кризиса.

³ Россия XXI века: образ желаемого завтра. М.: Экон-Информ, 2010.

Для целей анализа процесса реформ важен, скорее, тот простой факт, что летом 1990 г. в отношении «постепенных преобразований» уже было совершенно ясно: «Возможность действия подобным образом почти исчерпана, так как при этом варианте действий продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркий...» (с. 11).

Программа «500 дней» предлагала жесткий график проведения реформ – даже слишком жесткий и быстрый. По сути дела, такой темп мог быть реализован только «диктатором» при минимальном сопротивлении субъектов и объектов. Программа предложила 2-й том с законами – которые, кажется, толком не анализировались. Это определенный сигнал о том, что меняется система хозяйствования сверху путем введения новых правил игры. Альтернатива состояла в таком развале управления, в котором бюрократия переключилась бы от государственных функций к личному обогащению.

Теперь мы понимаем, что в реформах скорость скорости рознь. Одно дело – быстрый старт и решительные действия, другое дело – разрыв скоростей движения важных элементов реформ, которые должны быть скоординированы при разных скоростях по самой природе вещей. Речь идет, разумеется, об институциональных преобразованиях и обеспечении долгосрочной устойчивости реформ. Скорость строительства проверяется устойчивостью конструкции при землетрясении, а не на банкете по случаю открытия. Программа пыталась выйти с идеей организованной трансформации до наступления экономического коллапса, но политики свой шанс упустили.

«Это все еще СССР»

Программа «500 дней» писалась еще в Советском Союзе и для трансформации всей большой страны. Насколько помню, жесткой постановки о распаде республики еще не ставили – про это знают Григорий Явлинский и Владимир Машиц.

Россия прошла за двадцать лет реально три трансформации: от советской системы к демократии; от общенародной к очень частной собственности; и распад страны. Эти две первые были неизбежны и необходимы. Но транзитивный

кризис оказался намного тяжелее там, где страны и их экономические комплексы распались. Был ли шанс у нас на две, а не три трансформации?! Издержки распада много выше ожидаемых – в 1990 г. казалось, что распад то ли немислим, то ли мы блокировали свое сознание.

Труд в попытку сохранения большой страны, в обсуждение различных комбинаций соглашения между республиками был вложен существенный. В программе «500 дней» относительно медленных преобразований было написано прямо: «Политические последствия выбора этого варианта действия – окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных районах. Неподчинение закону будет охватывать все сферы жизни общества» (с. 12). Грустно признать, что так все и произошло.

Свою роль сыграла вера большинства республик, что они теряют в торговле с Россией (все «кормили всех»), хотя при пересчете товарных потоков по мировым ценам в плюс выходили, насколько помню, только Россия и Азербайджан. Разумеется, шансы на сохранение Союза на новой основе были, наверное, невелики. Но если эти шансы были – пусть для части республик – то скорее в 1990 г. Программа, видимо, была последней попыткой «убежать от распада». Однако более или менее организованное движение к рынку требовало бы от новых республиканских элит намного большего доверия к Москве и друг другу, и особенно понимания огромной стоимости раздельной трансформации. Но тогда у национальных элит все было так просто – им будущее казалось сытым, просто потому как свободным, а свои выигрыши были явно колоссальными.

«До острой фазы кризиса»

Наши расчеты начала 1990 г. показали, что пик промышленного производства в СССР был достигнут в ноябре 1989 г. и оттуда пошел спад. Падение ВВП страны в 1990 г. составило примерно 2% (это уже кризис), а в 1991 г. ВВП упал еще на 8%, что уже тяжелейший кризис (не менее 2008–2009 гг.). Потом в 1992 г. ВВП упал уже на 19%. С учетом денежного навеса, явной инфляции и угрозы замыкания областных рынков нужно было что-то радикально менять именно тогда,

когда получили сигнал и поняли проблему. По сути реформы опоздали намного больше, но именно «500 дней» оказались на границе между коллапсом плановой экономики и стихийным пришествием рыночной.

В реальной жизни Е. Т. Гайдар начал осуществление реформ с января 1992 г. (подготовка шла с ноября). Так что старт реформ пошел как раз на 500 дней позже начала нашей работы над одноименной программой. Это, конечно, слишком поздний старт – до катастрофы 1991 г. начать ничего толком не удалось. За полтора года нарастания экономических трудностей и разбалансировки сложного народнохозяйственного комплекса СССР усилилось желание республик «спастись в одиночку». Недоверие к центру и потеря координации в работе предприятий постепенно запускали сжатие производства в рамках планового хозяйства до того, как менеджеры могли использовать те или иные методы рыночной адаптации.

Время – это, пожалуй, основной фактор, который был еще у «500 дней» и не было практически в 1992 г. Пусть пессимисты и оптимисты судят о качестве времени, но старт реформ на 500 дней раньше шел бы в иных условиях.

«Приватизация и стабилизация, институты»

Весной 1990 г. Г. А. Явлинский предлагал решить «загадку» стабилизации через приватизацию. Это была его новелла, она довольно много обсуждалась. Элементы этого подхода были в Чехословакии, где за ваучер надо было все же заплатить двухнедельную зарплату. В СССР огромные номинальные сбережения оказались зависшими в Сбербанке просто потому, что товарная масса в последние годы 1980-х просто была недостаточной – отсюда и кризис дефицита. Оттянуть часть этих средств назад в бюджет по существу путем продажи различных активов населению было идеей правильной, хотя и не решающей вопрос макростабилизации.

Вообще необходимость личного участия граждан, затрат их личных средств и принятия ими какого-то риска в ходе реформ был важен и недооценен. Сама по себе задача (особенно в малых размерах) не привязывает так человека к активу, как инвестирование на свой страх и риск. Проблемой этого подхода было то, что скорость продаж активов требовала

решимости, законодательства, управления. Фактически такой подход должен был бы подтолкнуть малую приватизацию, приватизацию квартир, дач, транспортных средств – запустить розничную торговлю. Думаю, акции крупных предприятий физически не успели бы попасть «в работу» на первом этапе, но в этом и не было бы нужды.

Главным все же был упор на предпринимательство и свободу коммерческой деятельности. Если бы удалось осенью 1990 г. хоть частично либерализовать розницу и прочее, то мы приблизились бы к польскому варианту, в котором либерализация шла в два этапа (шокотерапия премьера Лешека Бальцеровича была на втором).

Сам раздел по разгосударствлению начинал с главного (и до сих пор актуального): создания условий для главной фигуры – предпринимателя. Принципы разгосударствления были достаточно общие, но и сейчас выдерживают критику для первого этапа: «...участие широких слоев трудящихся; разделение функции управления и собственности; платность; разнообразие форм и подходов, включая региональные; ориентация на ликвидацию монополий; приоритет предприятиям, проявившим инициативу в разгосударствлении» (с. 57). Программа намечала оценку активов, определение структуры внутреннего управления и структуры собственников. По сути это было близко к идее приватизации крупной собственности индивидуально – в стиле Западной Европы и Латинской Америки (с. 64). В ряде аспектов, включая разделение собственности и управления («корпоративный контроль» в частном и государственном бизнесе), программа «500 дней», по всей видимости, все еще не выполнена.

В начале 1990-х годов институционализм еще только пробивал себе дорогу в экономической теории. Теперь цитата «из Коуза или Уильямсона» также важна в любой статье, как цитаты из «Маркса и Ленина» до 1990 г. В начале периода массовой рыночной трансформации значительная часть экономистов оперировала в явной или скрытой вере к тому, что макроэкономика важнее институтов, рынок все сделает сам, и ему не надо мешать. Теперь мало кто в этом сознается – проверка возможна только путем анализа наличия в тексте той или иной программы или закона определенных положений,

необходимых для создания институциональной основы. Программа «500 дней» выглядит вполне прилично в этом плане.

Короткий пример – закон о банкротстве во 2-й части программы «500 дней», который сделан нами с Антоном Кожинным (в 1990 г. – студентом 4-го курса) на базе обзора таких же законов в ОЭСР. Мы предлагали базисный подход – банкротства как регулятор финансовых проблем слабых фирм (а также граждан). Представитель Госплана в рабочей группе тогда требовал, чтобы приобретатель активов при банкротстве предприятия платил бы все долги полностью и брал на себя все обязательства банкрота. А в реальной жизни потом в 1990-е годы использовался странный вариант закона, который просто стимулировал перекупку предприятий. В известном смысле экономика только через двадцать лет стала дозревать до нормального регулирования в этой области.

«Прото-программа и последующие реформы»

Разумеется, программа «500 дней» оказала влияние на все последующие программы и реальные реформы. Она оказалась первой полной программой, в которой обсуждались именно проблемы перехода к рынку, частной собственности и конкуренции. По структуре она охватывает и институты рынка, и либерализацию коммерции и цен, и открытие экономики страны, и макроэкономические проблемы. Одна из причин ее относительно узкого распространения – в политической и интеллектуальной конкуренции. Трудно было бы обсуждать принципы и положения (тем более применять) программы, разработанной для СССР, но уже в условиях его роспуска. Всякое поколение (в кризис это – год-два) хочет быть первооткрывателем.

Условия реальных реформ, особенно страна и глубина кризиса, были уже совсем другими. Либерализация и открытие страны оказались, по-видимому, схожими. Макростабилизация шла в иных условиях, а приватизация – и вовсе иным путем. Практического сравнения программы «500 дней» и реалити реформы 1991–1994 гг., в которые были заложены институциональные основы российской экономической и социальной системы, наверное, никто не проводил. Это упражнение требует много времени, усилий и объективности, что непросто в ситуации обостренной борьбы за славу и собственность – ключевые

проблемы после каждой революции. Каждый победитель пишет свою историю.

Исключение составляет интереснейшая работа «Реформы по Гайдару: 500 дней спустя», подготовленная Е. Г. Ясиным с коллегами еще в 1993 г.⁴ В какой-то мере эта работа показывает различия практической программы в реальных условиях: «Подводя итоги, следует сказать, что, безусловно, экономическая ситуация, сложившаяся в России к исходу 500 дней реализации реформы “по Гайдару”, является более определенной, нежели она была в начале этого периода. И в этом – главная заслуга правительства и политики Гайдара. Мы уже живем в существенно иной экономике. Вместе с тем следует признать, что России не удалось одержать победу в схватке со временем. Радикальные реформы, обострив кризис, пока не вырвали экономику из выбитой колеи наиболее вероятного развития»⁵.

«Что было бы...»

В истории один час решал судьбы царств. Год, точнее, пять кварталов, прошедших от лета 1990 г. (программы «500 дней») до старта реформ осенью 1991 г. – это «вечность» в политике и в экономическом кризисе. Может быть, конфликт лидеров был тем сапогом, который наступил на «бабочку Брэдбери» в 1990 г. и изменил ход истории. Программа «500 дней» предлагала путь выхода из кризиса социалистического хозяйства через реформы. Транзиционный кризис сам по себе не ожидался в больших масштабах. Видна попытка программы максимально быстро дать новый институциональный толчок для всех экономических агентов.

В общем можно представить себе необходимые политические условия, чтобы программу «500 дней» можно было бы запустить в ход в 1990 г. Но основные требования относятся к целям и интересам, доверию и способности элит к координации и ограничению своих претензий. Реалистичность этого варианта развития событий явно невелика, но

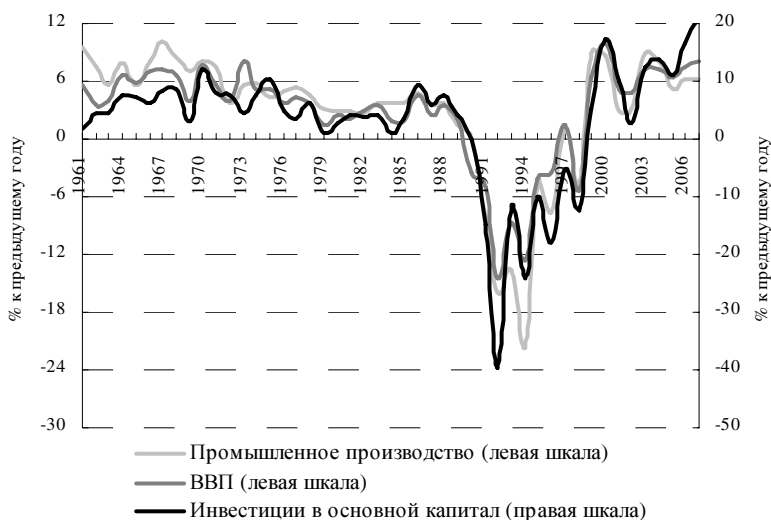
⁴ См.: «Избранные доклады» Экспертного института. – М., 1999 – С. 179–205.

⁵ Там же. С. 185.

оставим ее для историков и политологов. Мы можем оценить только преимущества старта рыночных преобразований на 500 дней раньше.

Рискну сказать, что при прочих равных условиях (то есть при тех же элитах и даже том же поведении) несколько пунктов ВВП из 43%, возможно, «не упали бы». Распад Союза шел бы совсем иначе, может, как-то более цивилизованно, не так жестко к людям. Несколько сотен тысяч людей из бывшего СССР оказались бы в лучшем положении и, может быть, работали бы себе дома (строили бы свою нехитрую демократию и рыночную экономику), а не мотались бы по всему миру гастарбайтерами разного рода. Это ведь очень много – так что нам есть о чем пожалеть.

Статиллюстрации

Динамика основных макроэкономических показателей РФ,
1961–2006 гг.

Источник: ФСТГ, ЦСУ СССР, оценки ИЭФ